

The background of the entire image is a photograph of the interior of a church. It features a high, vaulted ceiling with a grid of decorative panels. The walls are covered with numerous religious icons, each framed by ornate, gilded borders. A large, multi-tiered chandelier with many lit candles hangs in the foreground, partially obscuring the icons. The lighting is warm and golden, creating a sense of depth and reverence.

Почему я первый из грешников?

Протоиерей
Игорь Филин
Олег Казаков

Олег Казаков

Почему я первый из грешников

Православное издательство "Сатись"

2008

Казаков О. А.

Почему я первый из грешников / О. А. Казаков — Православное издательство "Сатись", 2008

ISBN 978-5-7868-0076-1

Предлагаемая читателю, небольшая по объему, книга – не что иное, как записи бесед настоятеля Санкт-Петербургского храма (в Песочном) во имя прп. Серафима Саровского протоиерея Игоря Филина с православным литератором Олегом Казаковым. Это беседы о путях к истинной свободе, к освобождению от греховной суеты и косности, к тому, чтобы дело наше принесло по-настоящему благой плод. ...кто вникнет в закон совершенный, свободы, и пребудет в нем, тот, будуги не слушателем забывчивым, но исполнителем дела, блажен будет в своем действии (Иак. 5, 25).

ISBN 978-5-7868-0076-1

© Казаков О. А., 2008
© Православное издательство
"Сатись", 2008

Содержание

Вопрос о жизни и смерти. Свобода выбора	6
Разрушение любви. Искушение. Страсть	10
Исповедь. Покаяние. Прощение	14
Самые первые шаги в молитве. О послушании	18
О вине	25
О теплохладности. Посещение храма. Участие в Таинствах	27
Подставлять ли обидчику другую щеку?	31
Почему я первый из грешников?	34

Протоиерей Филин, Олег Казаков

Почему я первый из грешников

...Если пребудете в слове Моем, то вы истинно Мои ученики, и познаете истину, и истина сделает вас свободными.

Ин. 8, 31–32

По благословению

Митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского ВЛАДИМИРА

© Протоиерей Игорь Филин, Олег Казаков, текст, составление, 2008

© Издательство «Сатись», 2008

Вопрос о жизни и смерти. Свобода выбора

Олег Казаков:

– Так или иначе, рано или поздно, но в жизни каждого (может быть, за самым редким исключением) человека наступает момент, когда он начинает сомневаться в смысле и целесообразности всего, что он делает. Будь он писатель, художник, бизнесмен или даже грабитель, его вдруг настигает сокрушительная мысль: «А кому и на что вообще все это нужно?! В гроб я ничего с собой не возьму. А здесь и благодарности не всякий раз дождешься, да и вообще больше проблем и хлопот, чем хоть какой-то радости... Еще и злом норовят отплатить, если что доброе сделаю». Смысл жизни начинает ускользать...

Случается так (и довольно часто), что человек в такое время приходит в храм. И тут ему может встретиться почитавший что-то из святых отцов и имеющий некоторый церковный опыт прихожанин. Он с авторитетным видом скажет вопрошающему, что цель жизни – стяжание Духа Святого. Но бедняге, едва пришедшему в храм, это ни о чем не говорит! Однако как же быть на самом деле? Что сказать такому человеку?

Отец Игорь:

Когда в сердце и уме человека родился вопрос о смысле его собственной жизни – это явление, в сущности, совершенно нормальное. Хуже, если этот вопрос не появляется – это означает, что духовные силы человека крайне ослаблены, а может, и парализованы. Он плывет по течению жизни бездумно, не размышляя о том, куда же течет эта река. А вдруг она обрушится водопадом в бездну? А может быть, просто уйдет в песок? Или крокодилы сожрут пловца?

Поэтому вопрос о смысле жизни говорит о некоей зрелости человека. И одновременно с этим вопросом возникает и вопрос о жизни и смерти, который становится главным. Человек начинает подспудно понимать, что если жизнь человеческая ограничена только пребыванием в этом мире, то она бессмысленна. Тогда ради чего все, что он делает?! Конечно, человек может как-то поддерживать себя мыслью, что это потом кому-то пригодится; ну, например, достанется близким людям... Но такое построение не имеет нужной глубины, и при малейшем разочаровании (в людях ли, в обстоятельствах) оно неизбежно рушится, поскольку смысл опять оказывается под большим вопросом.

И вот может возникнуть случай, когда человек уже не может утешиться тем, что построенный им дом достанется детям, поскольку дети злы и неблагодарны. Обидно! И это часто происходит. И тут опять – вопрос о жизни и смерти. И он уже формулируется примерно так: есть ли жизнь после смерти? И если эта жизнь есть, тогда все, происходящее сегодня и происходившее раньше, предстает в ином свете.

Ясно, что если личность моя сохраняется после смерти, то мои личные свойства и качества будут иметь значение и там. И жизнь моей личности простирается куда-то за пределы обозримого бытия. Когда человек постигает собственное бессмертие, то испытывает радость... Однако положительное осознание бесконечности жизни и принятие этой бесконечности возможно только при появлении веры в Бога. Когда в душе человека появляется Бог, появляется и перспектива жизни за земными пределами... А вместе с этим появляется и вопрос, как вести себя и что делать, чтобы та жизнь оказалась радостной и полноценной.

На этот вопрос есть разные ответы, в силу этого и существуют разные религии. Православно-христианское учение разительно отличается от всех других. И если рассмотреть повнимательнее, то, прежде всего, бросится в глаза, что, как ни странно, христианин не считает ту жизнь, которую он ведет на земле, вполне человеческой. Он видит ее как жизнь некоего ущербного существа. И чувствует себя (позволим такое сравнение) как ребенок, похожий на Маугли,

который живет в диком мире, никак не замечая его дикости, но вдруг обнаруживает, что сам-то он не зверь! Что есть какая-то другая – высшая, просветленная жизнь. И наше учение говорит, что жизнь этого мира – это жизнь нижеестественная, ниже нашей истинной природы, это жизнь грехопадшего существа. Ее можно сравнить с жизнью человека, который лишен зрения, слуха, осязания, вкусовых ощущений. И настоящей жизни он даже представить не может. Не знает он, как плывут облака, как шумит лес, как волнуется море. Он как-то существует – и только.

– Что ему делать?

В чем же главное отличие грехопадшего человека от первозданного человека или состояния естественного от нижеестественного? Прежде всего, это смерть. Мы смертны, хотя первый человек был сотворен не подверженным смерти, неуязвимым для болезней и внешних воздействий. Смерть взяла над ним власть после грехопадения. Но вот что говорят нам святые отцы. Если Адам имел начало, т. е. был когда-то сотворен, то он, несомненно, должен был иметь и конец. Это Бог безначален и бесконечен, а все сотворенное имеет некий предел. Стало быть, и в Адаме должно было изначально присутствовать какое-то свойство увядания, тления. Но возникающий недостаток жизни всегда восполнялся благодаря постоянному и тесному общению Адама с Творцом. После грехопадения эта общность разорвалась. И сейчас хотя мы и знаем, что, например, молитва есть беседа с Богом, но в большинстве случаев не чувствуем этого. Непосредственность и сила связи большей частью нами утрачена.

Итак, недостаток жизни в Адаме все время восполнялся общением с Источником жизни – Богом. В себе самом человек источника жизни не имеет. Благодать и есть та Божественная энергия жизни, которая в нас существует, но нам необходимо ее восполнять. Непосредственная связь прервалась в результате греха, предательства, которые человек совершил по своей воле, хотя и был соблазнен. Человек позволил себе поверить соблазнителю, что Бог даже побаивается, что могут нарушить Его всемогущество... Хотя это полный абсурд... Однако предательство произошло – человек поверил змею больше чем Богу. Он поступился верой в Бога и отпал от Него. Произошел трагический разрыв. Человек потщился «быть как Бог», то есть самому определять законы своего бытия. А в результате оказался жертвой обмана. И сегодня наша гордость хочет жить сама по себе, по своей «свободе». Но ни к чему (если смотреть на вещи прямо), кроме страданий, это не приводит.

Адам до падения был иным, обладал иными свойствами, иными физическими и духовными силами. Но это можно в определенной мере представить. Ведь мы знаем нового возроденного Адама – Господа Иисуса Христа. Господь, воплотившись, пришел, по человеческой природе своей, к состоянию даже выше того, в котором пребывал Адам до разрыва с Богом. Умереть Сам по Себе Он уже не мог. Только Промыслом Божиим, как человек, Он мог выйти из жизни насильственно на какое-то время. Но смерть не могла удержать Его.

И вот, если мы понимаем, что наша жизнь, так сказать, не совсем человеческая, то какая же человеческая?!

Так появляется желание обрести все-таки эту высшую жизнь... И есть Господь Иисус Христос – первенец из воскресших. Он приглашает, зовет нас в Жизнь. Значит надо лечить себя, свою душу – лечить от смерти. И лечение это происходит в Церкви. То есть это конкретная цель: не просто общение с Богом, не просто благонравная жизнь. А именно исцеление от смерти, обретение вечной жизни. Богоподобной жизни. Ведь мы, говорит апостол, можем стать сынами Бога по благодати. И существуют конкретные методы лечения.

– Тем не менее, человек неизбежно бессмертен. В любом случае за гробом его ждет какая-то иная форма бытия. В небытие не уйти! Но тогда зачем все эти усилия, «методы», размышления, молитвы?

Да, мы в любом случае бессмертны, тут мы не хозяева, такова воля Творца. Но существует такое явление как духовная смерть. Это состояние души человека, когда она совершенно не приемлет Творца и для него встреча с Богом – жесточайшее страдание, потому что вся его личность существует в ином плане бытия и не терпит Божественного.

Представим, что какой-то любитель «красиво» пожить вдруг попадает в беду. Ему становится постыло все, что его окружает, и он приходит в монастырь.

Предположим, что в монастырь его приняли. Но в монастыре иная жизнь – там люди молятся, постятся, несут послушание... И человек вдруг обнаруживает, что душа его этого не приемлет, ему начинает представляться, что он попал в тюрьму. Ему хочется «посидеть» с друзьями, а надо идти на послушание, хочется поиграть в теннис, а надо в храм, хочется всласть поваляться в постели, а надо становиться на молитвенное правило. Но он привык жить почти исключительно по своей воле. И вот думает такой «новоначальный»: «А ну вас с вашим благочестием и раем! Пойду-ка я, где мне привычней и милее».

За примером ходить недалеко. Как-то ближе к зиме на территории нашего храма появился мужчина очень солидного возраста – за семьдесят. Был он, кажется, беженцем из какой-то бывшей советской республики. Не имел ни родных, ни друзей, ни крыши над головой – все шансы замерзнуть на улице.

Мы его взяли к себе. Понятно, что это старый нездоровый человек... Мы его, как могли, подлечивали, не обременяли никакой тяжелой работой. Когда при знакомстве у нас с ним была беседа, он уверял меня, что, несмотря на свои годы, может быть очень полезен, что он работал поваром и будет готовить для нас по всем кулинарным правилам... А чем все кончилось? Прошло два-три месяца, чуть потеплело, и в один прекрасный день я узнаю, что «насельника» нашего больше у нас нет. Куда же он делся?!

И трапезница наша мне рассказывает, что встретила его, когда он уже уходил, собрав свои вещички.

– Куда же вы идете-то?!

– Надоело мне с вами! У вас тут тюрьма!

Вроде бы странно: никаких особых обязательств, а тем более обетов с него никто не брал. Время от времени, конечно, говорили ему, что хорошо бы сходить в храм, но ни в коем случае никто не принуждал. Старались заботиться о нем. И вдруг...

Оказалось, что жить-то он здесь жил, а поговорить, пообщаться ему было не с кем. Ему хочется поделиться какими-то страстными переживаниями своей жизни, воспоминаниями об «услугах» молодости, а сочувствия он не находит. Верующие люди ведь уклоняются от таких разговоров. И это его очень угнетало. Он даже пытался покомандовать в трапезной – доказать, что там все неправильно, но и это не имело эффекта, хотя опять же ни к какому делу его не принуждали. И вот так ему стало тяжело, что он, несмотря на свою старость и немощь, ушел.

Знаю еще пример. Женщина попросилась в женский монастырь. Ей предложили пожить месяц, осмотреться. Не прошло и месяца, как она, не выдержав монастырского уклада жизни, ушла, сказав: «У вас тут как на каторге!» Таких случаев немало.

Не признающему Бога человеку радость общения с Богом недоступна. Более того, даже некое самое начальное приближение к такому общению мучает его.

– Да, но человеку все-таки обещают радость Богообщения. А выходит, что ему надо ходить только в подряснике, выполнять, мягко говоря, не всегда приятные послушания, выстаивать длинные церковные службы. И кто знает: может быть, в будущей жизни ждет то же самое – труды и бдения. А как же полнота радости?

У человека всегда есть свобода выбора. Он может выбрать пьянство, блуд, бизнес или даже просто приличное поведение в качестве главного устремления жизни. Он может в конце

концов просиживать целые дни перед телевизором, потягивая пивко или водочку с приятелем, и ругать все на свете, а предложи ему что-то сделать, он и не пошевелится... Но он может выбрать и поиски решения вопроса о жизни и смерти в вечности, поиски путей сближения с Богом.

Очень часто этот выбор происходит, когда человек оказывается перед лицом собственной кончины. В обычных обстоятельствах он не любит размышлять об этом. Я как-то заговорил о смерти с женщиной, которая, в общем-то, не чужда веры. Она прервала меня:

– Ну что Вы, батюшка! Мне и здесь хорошо, даже очень хорошо, особенно когда деньги есть. И не надо об этой смерти говорить. Я верю в Бога, но я не понимаю, зачем все это нужно делать (хождение в храм, молитвы и пр.).

– Ну, это, можно сказать, обычная реакция.

Однако, когда человек оказывается лицом к лицу со смертью, перед ним со всей силой встает вопрос, как избежать ее или что будет после нее... И тут же возникает вопрос: насколько человек готов к тому, что может ожидать его в потустороннем мире.

«Зачем все это нужно делать?»... Вот, предположим, человек учится в школе. Обучение приходит к концу, и он оказывается перед выбором, продолжать ли образование или избрать иной путь. Кто идет в ВУЗ, кто-то осваивает профессию, не требующую высшего образования. А кто-то предпочитает праздность и удовольствия, а то еще и все приобретенное родителями растратит и останется гол. То есть развитие человеческой жизни зависит от того, что он делает, что выбирает. И желание или нежелание что-то делать конкретизируется при знакомстве с жизнью.

Так вот, чтобы захотеть что-то делать в религиозном плане и представить смысл этого делания, надо познакомиться с Богом. Для этого недостаточно просто знать, что он есть и верить в это. *Ты веруешь, что Бог един: хорошо делаешь; и бесы веруют, и трепещут. Но хочешь ли знать, неосновательный человек, что вера без дел мертва* (Иак. 2, 19–20). Для нас в вере притягательно не информативное знание, а любовь. Ведь во Христе на человечество сошла Божественная любовь в ее полноте. Это любовь, которая несоизмерима ни с какой любовью человека. Ужасно жить, когда тебя никто не любит. Жизнь украшается любовью. А ведь тут речь идет о любви Самого Бога! И главное в нашей вере – это и наша любовь к Богу. Практически каждый из нас знает, какая радость любить, встречаться, беседовать с дорогим человеком. Без любви жизнь пуста.

Да, Бог может открыться как личность, которая управляет этим миром, и вера может начаться со страха. Страх, что ты можешь нарушить какой-то Его закон и будешь от этого страдать. Но это вера, конечно, самого начального уровня. Совершенная любовь изгоняет страх. Страх Божий, безусловно, должен быть в верующем. Однако само понятие наказания за нарушение Его закона – это понятие скорее человеческое, на уровне человеческого разума. Оно не дает представления о Божественных действиях по отношению к нам – эти действия всегда есть любовь. Бог никогда не отступит от тебя, никогда тебя не бросит... Даже когда кажется, что Он отошел, Он рядом. Это мы его оставляем по своим грехам, и нам представляется, что Он отстранился от нас. Есть замечательная молитва: «Не оставляй меня, Тебя оставляющего». Бог есть любовь, эти апостольские слова – главная основа нашей веры.

Разрушение любви. Искушение. Страсть

– Можно ли сказать, что всякий наш грех, начиная с греха Адама, есть измена, разрушение любви?

Да. Человек разрушает любовь и теряет ее. Он перестает быть способным чувствовать любовь.

– Но расплата за это разрушение... Наверное, ее не стоит понимать механически: вот я утром согрешил, а в полдень мне на голову упал кирпич. Однако таинственная связь между какими-то скорбными событиями моей жизни и моими грехами есть?

Разумеется. И надо сказать, что человек чаще всего приходит к Богу, когда плохо, когда настигает скорбь. Вот он приходит и говорит: «Помогите мне! Мне плохо! Все плохо!» Тягота, мрак, в которых он оказывается, заставляют его усиленно искать выхода. И когда человек, решив (бывает, что от безысходности) обратиться к Богу, вдруг чувствует, что тьма как-то отступает от сердца, и начинает светиться, незнакомая до сей поры, радость... Он вдруг осознает, что с Богом-то хорошо, это без Бога плохо. Вот тогда рождается вера.

Да, пока это вера начальная. Человек еще не знает вероучения, и наш долг – научить его, он не знает правил поведения в храме. Но главный шаг сделан – обращение к Богу совершилось практически. Наша вера – прежде всего практическая, главное в ней – духовная практика, общение с Богом, исцеление души. И вот здесь происходит нечто похожее на гомеопатическое лечение. Говорят тебе, например: «Глотай вот эти шарики столько-то раз в день», ты их глотаешь день, два, десять, а толку вроде никакого. Но настает час, когда результат все-таки приходит, и приходит он как бы «вдруг». И начинаешь понимать, что сразу результата и не могло быть, требовалось какое-то время, накопление, терпение. Но раз уж результат есть, ты чувствуешь доверие к врачу.

И вот когда человек ощущает в себе доверие к Богу, тогда он задается вопросом, что делать, как быть дальше, чтобы не утратить этой связи с Творцом, а наоборот – чтобы усилить ее. Конечно, могут встретиться трудности.

– Которые, простите, в православной среде принято называть искушениями. Мне кажется, что вообще слово искушение часто употребляется не к месту, что-то вроде церковного «сленга». Что же следует понимать как искушение?

Я понимаю так, что искушение – это какое-то состояние или ситуация, которые толкают, или могут толкнуть, человека на грех... Мне как-то рассказали довольно курьезный эпизод – просыпается человек в вытрезвителе и сетует: «Ну что за искушение!»...

В случае с вытрезвителем это слово действительно не к месту, тут следовало бы скорее воскликнуть: «Как же я до такого докатился!» Искушение было, когда, может быть, предлагали выпить.

Что такое искушение, мы видим, начиная с искушения Адама. Искушение – это **предложение** совершить грех. Оно может прийти на мысленном уровне, в чувственной сфере, на вполне материальном плане, когда кто-то конкретно искушает... Но ты можешь совершить грех, а можешь его и не совершать. Однако Священное Писание говорит, что без искушения не может быть спасения, так как борьба с искушениями способствует совершенствованию личности христианина. *Возлюбленные! огненного искушения, для испытания вам посылаемого, не*

чуждайтесь, как приключения для вас странного, но как вы участвуете в Христовых страданиях, радуйтесь, да и в явление славы Его возрадуетесь и восторжествуете (1 Пет. 4, 12–13).

Если спортсмен тренируется, не усложняя задач, то высоких результатов он никогда не достигнет. Всегда требуется какое-то преодоление себя. Устояв против греха, христианин становится сильнее.

– Насколько участвует в искушениях невидимый мир, в частности ангелы тьмы и их начальник?

В Писании сказано, что от начала согрешил сатана. Особенно на первоначальной стадии, когда у человека еще нет сильной привязанности ко греху, не вполне развились еще страсти и пороки, его, конечно, искушает лукавый. Когда же у человека появляется привычка, привязанность ко греху, услаждение им, тогда враг может особо и не беспокоиться. Человек и сам делает зло и даже стремится к этому. Например, пьяница и не ждет, чтобы его искушали, он сам активно ищет, как утолить свою страсть.

– Вот мы говорим о том, что человек живет в грехе. Но все-таки, что же такое грех? Ведь с точки зрения «обыкновенного» разума, скажем, супружеская измена – да, может, и грех, но неизвестно, насколько большой... Украл? – нехорошо, конечно, но ведь все крадут, а потом, если украл у вора, то это еще как сказать. И всегда пытаются найти оправдание, указать на безвыходность положения, неизбежность проступка, на какие-нибудь подсознательные мотивы...

Есть заповеди Божии, и любое нарушение любой из этих заповедей – грех. Поэтому для христианина различение добрых и злых поступков особых трудностей не представляет. Другое дело – люди, находящиеся вне Церкви... Вот его, предположим, обобрали, и вдруг появляется возможность вернуть утраченное, пусть и греховным способом – человек как правило и не задумается. Никакой настоящий преступник, совершая зло, не думает, что совершает преступление. Да, он знает, что нарушает законы данного общества, но по своим моральным представлениям он обычно уверен, что имеет на это право. Все крадут, и я краду. Вот этот миллионер всех обирает, а я для себя у него кусок урву – имею право!

Христианин же знает, что все сотворенное и данное Богом есть безусловное добро. (Если хоть что-то, исходящее от Него, не является абсолютным добром, то значит Он не совершенен, а если Он не совершенен, то Он и не Бог!) И вот становится ясным, что нарушение заповедей, которые дал людям Он Сам, неизбежно является злом. Пусть даже я, по немощи своей, не имею сил исполнить эти заповеди в достаточной полноте, но я твердо верю, что заповеди – это хорошо, это добро.

– И все-таки, ну вот допустим, я позавидовал – нарушил десятую заповедь. Ну и что из того? Неужели мне от этого будет плохо?

Обязательно будет плохо.

– Но почему?!

Потому что заповедь – это непреложный закон. Приведу пример. Вот мы со школьной скамьи знаем, что существует закон всемирного тяготения. Я не знаю, насколько он действует во всей вселенной, но в наших условиях он действует. Все просто – я бросаю камень, и он падает.

Предположим абсурдную ситуацию: человек не знает этого закона. И мало того, что он не знает, он и слышать о нем не хочет, мол, неизвестно, что вы там понапридумывали. Я знать

вашего закона о тяготении не хочу, я в него не верю! И вот сейчас я прыгну из окна десятого этажа и куда хочу, туда и полечу. И он прыгает. Результат предугадать легко.

Всякий раз, когда мы нарушаем непреложный закон, мы страдаем. Так нарушение заповеди есть увечье человеческой души. Смертельный ли это удар, рана ли, перелом или синяк – это другое дело. Но вред наносится обязательно.

– Верно ли будет понять это так, что все в мироздании имеет духовный источник существования, духовно-нравственную основу?

Разумеется! В Божьем творении все едино, и нельзя мыслить материальный мир отдельно, а духовный отдельно. Все перетекает одно в другое... Ведь подумайте, даже изготовление какого-либо изделия начинается с человеческой мысли, то есть изделие является зримым воплощением мысли. Т. е. человек это может. Как же тогда сомневаться в возможностях всемогущего, абсолютного Бога?!

– То есть, когда мы нарушаем заповедь, мы как бы ломаем конструкцию, по которой сотворены?

Можно рассудить и так. Человек, можно образно сказать, является многофакторной, совершенно определенно устроенной системой. И при нарушении хотя бы одного фактора система начинает уничтожать себя. и точно так же, как мы не можем, пренебрегая законом тяготения, выпрыгнуть и не упасть, точно так же мы не можем нарушить заповедь, не причинив вреда своей жизни. В чем этот вред выявится – в телесной болезни, в житейских скорбях или еще в чем, это уж как Бог рассудит. И нельзя не бояться «мелкого» греха. Да, может быть, он подобен небольшому уколу. Но он никогда не бывает один. А множество укулов могут превратиться в изуверскую, мучительную казнь. И становится вдруг у человека все плохо – и в душе, и в семье, и с друзьями, и на работе... А вроде «ничего такого» и не совершил...

– В церковном учении разделяют грех и страсть. Что такое страсть?

Страсть – это крайнее состояние греховной привычки. Слово страсть в славянском языке означает страдание и действительно является страданием. В умах наших предков тысячелетиями между этими словами и понятиями стоял знак равенства.

По учению святых отцов, грех начинается с помысла. Приходит греховный помысел, если человек принимает его, то начинается пленение сознания и порабощение души. Если на первом этапе человек еще рассматривает помысел и выбирает, как поступить, то после порабощения выбор как бы исчезает – грех становится целью, и начинаются поиски средств к реализации этой цели. А в страсти человек уже всем своим существом устремлен только к тому, чтобы утолить жажду греха. Вся жизнь строится на этом, все остальное утрачивает настоящее значение. Это легко проследить на развитии страсти к игре, к пьянству, наркомании. Попробовал человек раз, другой, а потом уже и не удержать его. И он уже раб своей страсти. А вначале кто-то просто предложил поиграть или «как следует» выпить, или как-то сложились обстоятельства, и человек поддался этому.

– Означает ли сказанное о помысле, что грех это не просто и не только сам поступок. Ведь обычно человек воспринимает грех только в качестве поступка – уже украл, уже напился...

Если человек отвергает пришедший к нему греховный помысел, то греха не происходит.

Грехом является уже сама мысль о грехе, если человек принял ее и внутренне склоняется к ней, грехом является и желание греха. Что говорит Господь о грехе прелюбодеяния? А ведь произнесены были эти слова в то время, когда совершившие этот грех наказывались смертью,

их выводили за стены города и забивали камнями. И вот Господь говорит: *Вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй. А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем* (Мф. 5, 27–29).

Мысль о грехе – это чрезвычайно важный момент, потому что человек должен помнить – нет греха, который бы он был совсем уж неспособен совершить. Способность к любому греху живет в каждом человеке, и поэтому надо относиться очень внимательно ко всем своим мыслям и желаниям. Мы не совершаем всех грехов только потому, что Господь, если мы не имеем особой склонности к тому или иному греху, ограждает нас от него. Но когда мы настойчиво тянемся ко злу, Он не будет насильничать нашу свободу. Он попускает грех, с тем чтобы человек, увидев мерзость греха, мог бы искренне отречься от него и раскаяться, обновить свою душу, свое сознание. Кстати, по-гречески раскаяние (метаноиа) и означает изменение сознания.

Исповедь. Покаяние. Прощение

– Итак, приходит к Вам человек и говорит, что он грешен и одержим страстями и хотел бы как-то избавиться от этого... Скорее всего Вы предложите ему прийти на исповедь.

Думаю, что разговор (если человек пришел всерьез) закончится именно этим предложением.

– Но вот какой вопрос. Ведь есть Бог, Который все знает и знает все мои мысли и дела. Для чего же человеку обременять Вас изложением своих мерзостей? Что меняется оттого, что я произношу рассказ о своем зле вслух?

И в принципе для чего вообще исповедь, если я в душе искренне сожалею о своих грехах и могу сказать об этом прямо Богу в любом месте и в любое время?

Хорошо, я потом приду на службу и причащусь. Но вот этот обряд с негромким разговором, часто после стояния в долгой очереди, покрывание головы епитрахилью, неужели он так обязателен?

Видите ли, человек существо сложное, и в грехе участвуют многие структуры этого существа... Если бы грех совершался только на уровне сознания, то может быть и хватило бы искренне пожалеть о нем и сказать: «Господи, помилуй!» И, конечно, человек может и должен обратиться прямо к Богу с покаянием. Но одновременно с этим опыт однозначно показывает, что если человек ограничивается только этим обращением, то потом он очень легко попускает себе тот же самый, или похожий, грех. У человека, в особенности у современного человека, слово и дело могут очень далеко отстоять друг от друга.

Приведу пример. Как-то, возвращаясь из поездки в монастырь на остров Валаам, я заночевал в Приозерске на монастырском подворье. И вот иду я от пристани к подворью, одет в подрысник... Суббота... И тут как нарочно, не один и не два, а три или даже четыре человека бросались ко мне на улице и говорили, что каются в пьянстве. Один так прямо в ноги бухнулся: «Отец! Прости! Пью! Как мне остановиться, я ведь погибаю?!». Спутница пыталась увлечь его за собой, но он отмахивался от нее и упорно говорил о своем раскаянии.

Всем им я отвечал одинаково – я говорил, что такое покаяние просто замечательно, однако завтра надо обязательно прийти в храм, чтобы получить настоящую помощь и отвязаться от этого греха. И все они клятвенно обещали быть в храме. Не пришел ни один.

Наверное, был просто какой-то эмоциональный импульс. Может быть, в состоянии алкогольного опьянения человек иногда становится более чувствительным. Поскольку он все равно уже пьян и воля его расслаблена, то лукавый как бы приотпускает поводок – пусть мол, «поиграет» в покаяние. Хотя человек бывает по-своему искренен в таких случаях.

А наутро состояние меняется, поводок становится короче, человеку надо на работу или надо опохмелиться. Он либо вовсе отказывается от намерения идти в храм, либо откладывает это чаще всего на неопределенное время. Ведь это очень распространенное явление, когда человек все откладывает приход в храм, а в результате так и не может до него добраться. Это не только с пьянством связано.

Грех поражает и душевный, и духовный, и телесный планы человеческой личности. И вполне закономерно, что покаяние должно также происходить на всех планах. И наша речь, и наш стыд, который мы преодолеваем, говоря о грехах священнику – это, собственно, и есть душевно-телесный уровень, необходимая часть «курса лечения». Может показаться странным, что человеку перед священником стыдно, а перед всеведущим Богом нет. Но дело в том, что

человек Бога представить не может, полнота общения с Богом прервана, а вот непосредственное общение с человеком (священником) пробуждает стыд, усиливает восприятие безобразия своих грехов. Преподобная Мария Египетская восемнадцать лет провела в пустыне, борясь с искушениями, но ведь прежде чем уйти в пустыню, она пришла в церковь на берегу Иордана, принесла покаяние, исповедалась и причастилась Святых Тайн.

Сам факт прихода человека на исповедь есть – факт доверия к Богу, т. е. человек доверяет Церкви, потому что верит в ее Божественное происхождение. Это ступень на лестнице истинной веры.

Исповедь не просто обряд или традиция, прежде всего это необходимая часть великого, святого Таинства Покаяния. В Таинствах Сам Бог, несмотря на все наши падения и мерзости, таинственным, непостижимым для нас образом, производит с человеком некие действия, освобождающие его от власти греха, от власти темных сил не только по духу, но и по плоти. Бог делает это через Своего служителя (священника).

Обязательность и спасительность покаяния и исповеди целиком основываются на словах Господа Иисуса Христа, обращенных к апостолам: *Сказав это, дунул, и говорит им: примите Духа Святаго.*

Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся (Ин. 20, 22–23). Таким образом, через своих святых учеников Господь передает и Своим священнослужителям возможность и право вязать и отпускать грехи по Его всемогущей благодати. Ведь мы, православные священники, наследуем рукоположение в сан по непрерывной «цепочке» от святых апостолов. И через нас действует благодать Божия.

Конечно, и сам священник должен находиться на должном духовном уровне, чтобы увидеть глубину покаяния человека и почувствовать, что Бог прощает. Только тогда он сможет однозначно сказать, что человек свободен от греха. В противном случае есть большая вероятность, что исповедь пройдет впустую... Да, священник скажет: «Прощаю и разрешаю», но Бог может и не простить. Здесь дело не только в возрасте и опыте пастыря, главное – духовный уровень, мера благочестия.

Надо сказать, что в дореволюционной России исповедовать мог вовсе не каждый священник, но только имеющий определенный опыт, показавший определенные способности к духовничеству, ведущий истинно благочестивую жизнь и получивший специальное благословение от священноначалия.

Это, конечно, идеальный вариант. Но если мы вспомним историю России, то и это не спасло нас от развала и бедствий. Все эти обязательные исповеди раз в год, когда потом выдавалась справка об исповеди и причастии для представления по месту работы или учебы – ни к чему, кроме формализма, привести не могли. А ведь уровень благочестия, нравственный уровень народа зависит не только от пастырей, но и от пасомых. И гимназисты, и чиновники, и военные приходили, чтобы получить справку, без которой затруднялось успешное окончание гимназии или продвижение по работе. А за этим очень часто стояло пренебрежение и легкомыслие. Пришел, Великим постом, сказал что-то на исповеди, получил нужное свидетельство – и с плеч долой. Вышел из храма и преспокойно грешит снова.

Сейчас мы живем в период возрождения церковной жизни. Поэтому сегодня каждому священнику, уже при рукоположении дается право духовничества. И Таинство Покаяния совершается, прежде всего, благодаря тому праву, той благодати, которые получает священник в Таинстве Рукоположения. Очень и очень многое зависит от того, насколько искренне и решительно настроен человек, пришедший на исповедь. В древние времена святой подвижник или духоносный священнослужитель мог не впустить пришедшего к нему, если духом своим видел, что в данное время пришедший не готов, не способен к искреннему покаянию, к изменению своего ума; он пришел с чем-то другим. Он мог сказать посетителю, чтобы тот еще

поразмыслил над собой, над своей жизнью, пришел в другой раз, мог даже поговорить с ним, но не совершать отпущения грехов.

– Собственно, так может произойти и сегодня.

Может, но гораздо реже, потому что учитывается духовная немощь сегодняшних прихожан. Однако искренность их обращения можно уяснить по плодам, т. е. по тому, как и насколько они начинают изменять свою жизнь.

Если он по легкомыслию продолжает совершать все те же грехи, то это не церковная жизнь, а просто бестолковая, никому не нужная игра.

– Так... Предположим все-таки, что человек пришел искренне, покался в грехах, старается, как может, вести благочестивую жизнь, начинает молиться, старается смиряться, делать то, что посоветовал духовник, и, конечно, принимается за чтение Евангелия. И вот, в первом же Евангелии (от Матфея), он видит, что кроме Десяти заповедей, полученных через Моисея, есть и произнесенные Господом девять Заповедей Блаженства. И первая из этих заповедей: *Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное* (Мф. 5, 3). Кто же такие эти нищие духом, что такое духовная нищета?

Когда я только-только пришел в Церковь, для меня эта заповедь была преткновением. Я никак не мог понять, что же такое нищета духовная. Если я духовен, то какой же я нищий, а если я лишен духовности, то о чем вообще речь?!

Прежде всего, что такое Заповеди Блаженства? Это, прежде всего, описание качеств, необходимых для действительно нормальной жизни человека. Описание человека, который был создан изначально. Это есть истинная исконная природа человека. И если он живет в полном соответствии с этими заповедями, то его можно взять и поместить в рай, т. е. в Царство Небесное. И стремиться жить по этим заповедям – это значит восходить к Царству.

Первая же заповедь говорит нам о нищете духовной. Такая нищета есть отсутствие в человеке гордости. Это когда человек не горд в своих отношениях, и главное – не горд с Богом, он почитает себя недостойным, грешным человеком, ждущим милости свыше. Человек, смиренный не почитает себя духоносным, духовным, тем более святым. Мне вспомнились сейчас слова одного питерского батюшки, которые меня поразили: «Меня тут иногда святым называют, а я порою смотрю на себя и думаю: Боже, какая же я дрянь...» Вот это уже приближение к духовной нищете.

Или как сказал Господь преподобному Силуану Афонскому, что надо держать свой ум в аду и не отчаиваться. То есть, ты, главное, видишь, что достоин только ада и ничего больше. Ни молитвы твои, ни бдения, ни посты не отменяют того, что ты достоин только ада. Потому что душа твоя изуродована и ты все равно что мертвый. Со времен грехопадения Адама человек – это мертвец, в котором все-таки теплится какая-то последняя искорка жизни.

Действительное состояние человека – это состояние на самой грани смерти, но надежда выжить все же сохраняется. И только Божьей милостью и с Божьей помощью эта искорка может стать побольше. Но я не должен отчаиваться (кстати, отчаяние – большой грех) потому что Бог есть любовь, и я, несмотря ни на что, надеюсь на Его милость.

Любовь Бога согревает нас, животворит и спасает нас. Вспомним женщину, взятую в прелюбодеянии, которую привели к Иисусу Христу на окончательный суд. (По закону ее полагалось забить камнями до смерти.) Ее привели с лукавым намерением, вот, мол, Ты все про любовь и прощение говоришь, а что Ты сейчас скажешь? Они были уже готовы совершить казнь по закону.

А вот как обернулось: *Говорили же это, искушая Его, чтобы найти что-нибудь к обвинению Его. Но Иисус, наклонившись низко, писал перстом на земле, не обращая на них внимания.*

Когда же продолжали спрашивать Его, Он, восклонившись, сказал им: кто из вас без греха, первый брось на нее камень.

И опять, наклонившись низко, писал на земле.

Они же, услышав [то] и будучи обличаемы совестью, стали уходить один за другим, начиная от старших до последних; и остался один Иисус и женищина, стоящая посреди.

Иисус, восклонившись и не видя никого, кроме женищины, сказал ей: женищина! где твои обвинители? никто не осудил тебя?

Она отвечала: никто, Господи. Иисус сказал ей: и Я не осуждаю тебя; иди и впредь не греши (Ин. 8, 6–11).

Конечно, если бы на месте Господа был просто человек, все, надо думать, закончилось иначе. Но Сам Господь воззвал к совести ожесточившихся людей, и они вдруг поняли, что грешны сами и не могут быть судьями. Так была спасена женщина и одновременно разбужена совесть в тех, кто ее судил. Ведь кого я могу судить, когда сам состою под судом? Я только и могу, что сам просить о помиловании. Здесь надо заметить особо и последние слова, обращенные к женщине: *впредь не греши* – в этих словах и порицание греха, и строжайшее предупреждение. Становится понятным, что если грешить и впредь, то милости Божией можно и лишиться.

Самые первые шаги в молитве. О послушании

– Хочу спросить о самом начале молитвы, т. е. молитвенной практики. Человек может задаться вопросом: а зачем мне эти, иногда довольно пространные, тексты? И вообще для чего слова, если Богу ведомо все и Он знает, в чем я нуждаюсь, чего хочу, чего требует моя душа?

Молитва – это разговор с Богом. Для человека, склонного к вере, наступает время, когда он чувствует настоятельную потребность общения с Богом. И вот он узнает, что, оказываясь, существует поразительная возможность – с Богом можно разговаривать. Творец, создавая человека, наделил его даром речи. И вот, используя этот Божественный дар, человек может обращаться к Творцу.

На самом деле: то, что человек способен мыслить и говорить, это поразительный Божий дар. Мы способны выражать свои мысли и образы словами и поэтому обращаемся к Богу словесно. Из первых же глав Священного Писания Ветхого Завета мы узнаем, что Адам говорил с Богом.

Эта способность, пусть и в гораздо более ограниченной мере, сохраняется и у нас.

Обращаясь к Богу, мы чаще всего о чем-то просим, о здоровье ли, о благополучии, о счастье детей, о чем ли другом... Но даже простой здравый смысл показывает, что уместно и прилично не только просить, но и благодарить. При этом Бог особо отличает нашу благодарность. Так было в случае, когда Господь Иисус Христос исцелил десять прокаженных. Исцелились все, но вернулся с благодарностью только один, и Господь особо отметил это. *Один же из них, видя, что исцелен, возвратился, громким голосом прославляя Бога, и пал ниц к ногам Его, благодаря Его; и это был Самарянин. Тогда Иисус сказал: не десять ли очистились? где же девять? как они не возвратились воздать славу Богу, кроме сего иноплеменика? И сказал ему: встань, иди; вера твоя спасла тебя* (Лк. 17,15–19).

Мы знаем, что можно славить Бога, воздавать Ему хвалу. Вспомним, что молитва Господня «Отче наш», которой обучил нас Сам Иисус Христос, заканчивается прославлением Бога. Из Псалтири мы видим, как неустанно и горячо прославлял Бога царь-пророк Давид.

Молитва – это жизненная необходимость. Святые отцы говорят совершенно определенно, что без молитвы спастись невозможно. Господь заповедал нам молиться, чтобы с нами не случилась напасть, чтобы мы не впали в большое несчастье. То есть, если мы не молимся, то можем подвергнуться нападению сатаны.

Господь заповедал молиться и для изгнания бесов, для защиты от них. Изгнав беса из отрока, Он сказал апостолам, которые недоумевали, почему у них это не получилось: *сей же род изгоняется только молитвою и постом* (Мф. 17, 21). Если мы не имеем посильного поддержания и не молимся, то становимся открыты для нападения бесов, а в худшем случае можем подвергнуться и беснованию. Ведь все мы, так или иначе, находимся под воздействием падших духов. Человек, ведущий (в меру сил) церковную жизнь и молящийся может подвергнуться внешнему нападению духов тьмы, но с Божьей помощью защитится от них, человек же, который пребывает вне Церкви и чуждается молитвы, не способен серьезно противостоять нападению, и бесы могут делать с ним все, что хотят. Конечно, лукавые духи не смогут сделать более, чем попустит им Господь. Как известно из истории о гадаринском бесноватом, они не могли войти даже в свиней без позволения Господа (Мк. 5,1-13). Но когда они вошли в свиней, стадо бросилось в море, и все погибли. Из этого мы видим, что даже в отношении скотов, демоны имеют ненависть и желание убить, так как животные – тоже творение ненавистного им Бога.

Итак, человек, пренебрегающий молитвой, может стать в той или иной степени бесноватым. И действительно мы не так уж редко встречаем, не только среди простых, но и среди

видных людей, лиц, одержимых странными, порой явно безумными идеями. Это, собственно, и есть действие падших духов. Мы часто сталкиваемся с какой-то особенной злобой, ненавистью, самовозвышением, мы видим, как люди, в сущности недалекие, начинают мнить о себе высоко и делают все, чтобы добиться власти и получить возможность распоряжаться жизнями других людей. Все это действия бесовские.

Ну вот... Повторим еще раз, что, когда Адам согрешил, он нарушил связь с Богом, с Которым общался, Которого видел. Зная, что Творец всеведущ, он пытался прятаться, лгать Ему и таким образом все больше отдалялся от Него. Молитва наша и есть средство к восстановлению утраченной связи с Богом.

Святые отцы учат, что умное делание, непрестанная молитва есть навывание к непрерывному общению с Богом.

Может показаться, что эта связь пока односторонняя, но нет – Бог все слышит. Когда говорят, что Он не слышит, то это образное выражение. Он все слышит, только, бывает, не торопится отвечать, потому что случается, и нередко, что и наши просьбы, и наши обращения содержат нечто несусветное или неразумное. А навывание к общению с Творцом – нам совершенно необходимо. Как только человек забывает о Боге, он совершает грех. Такое забывание есть нарушение первой заповеди, которая говорит, что я должен любить Бога всей крепостью, всем сердцем, всеми силами... Я должен непрестанно ощущать связь с Ним, Его любовь, а я про Него забываю! Строго говоря, в процентном отношении, я не столько помню о Боге, сколько забываю о Нем. Но когда я прибегаю к молитве, то понуждаю свой ум вспоминать о Творце, вырабатывается определенная привычка памятования. И чем больше я обращаюсь к Богу, тем больше вероятность услышать ответ.

Самим Господом сказано: *Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам; ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят* (Мф. 7,7–8). Господь услышит, как мы стучимся к нему, и отворит, и поможет.

Здесь можно вспомнить еще притчу Господню о вдове и неправедном судье. *Сказал также им притчу о том, что должно всегда молиться и не унывать, говоря: в одном городе был судья, который Бога не боялся и людей не стыдился.*

В том же городе была одна вдова, и она, приходя к нему, говорила: защити меня от соперника моего.

Но он долгое время не хотел. А после сказал сам в себе: хотя я и Бога не боюсь и людей не стыжусь, но, как эта вдова не дает мне покоя, защитю ее, чтобы она не приходила больше докучать мне.

И сказал Господь: слышите, что говорит судья неправедный?

Бог ли не защитит избранных Своих, вопиющих к Нему день и ночь, хотя и медлит защищать их? (Лк. 18, 1–8).

И вот скажет молящемуся Бог: Ты все просишь от Меня милости. Хорошо, Я помилую тебя, но придется тебе немного потерпеть. Никак не проходишь ты в тесные ворота, ведущие в Царство, поэтому надо несколько пообтесать твои страсти, потому что они-то и мешают тебе. Гордыню и тщеславие твои надо бы укоротить, да и другие греховные свойства...

И начинается для такого человека время, когда приходят скорби, искушения, соблазны. Но человек, если желает пользы для себя, должен их терпеть. В Священном Писании сказано, что тот, кто хочет работать Богу, должен приготовить сердце свое к искушениям и потерпеть. Однако глупо и грешно придумывать и устраивать скорби самому себе. Должно благочестиво переносить те, которые попускает Бог. *Блажен человек, который переносит искушение, потому что, быв испытан, он получит венец жизни, который обещал Господь любящим Его* (Иак. 1,12).

Происходит с человеком одно событие, другое, третье... Так это и есть ответ на его молитву. Когда человек начинает регулярно и усердно молиться, он начинает чувствовать в

происходящем с ним и руку Божию. И тут, если нет духовного руководителя, то бывает, что человек срывается, бросает молитву... И некому сказать, что искушения – это на самом деле хорошо, так и должно быть. Ты только не пугайся и не бросай молитву. Жалуется человек, что молиться не может – уныние берет, в сон клонит, брошу молиться, сил нет! А наставник скажет ему, чтобы ни за что не бросал, пусть хоть через силу молится, рано или поздно вся эта муть отступит.

– Довольно часто, особенно с новообращенными, случаются удивительные явления. То во время молитвы вдруг начинает светиться икона, то услышится какой-то голос, то ощущения какие-то необычные... Как относиться к этому?

Есть хорошая пословица: «Если кажется, перекреститься надо». Это все – бесовские искушения.

– А каково должно быть отношение к сновидениям?

Святые отцы учат: сновидений не принимать, никаких. При этом они поясняют, что поскольку ты человек грешный, то никаких откровений от Бога ты не достоин. Воля Божия и без того проявляется через обстоятельства жизни. Но человек горд, и ему хочется чего-то особенного, небывалого. Он не видит и даже не хочет видеть Божественного Промысла просто в своей жизненной ситуации. Вообще все прельщения так или иначе связаны с гордостью человека. И лукавый старается за эту гордость зацепиться.

Даже если, предположим, нечто было от Бога и ты не принял, то Бог никогда не прогневается; напротив, Он вознаградит тебя за твою бдительность.

Если произошло какое-либо явление, то надо всеми силами смириться и обратиться к Богу: «Господи, я человек грешный и никаких от Тебя откровений недостоин. Если Ты по великой Твоей милости благоволишь что-либо сказать, то сделай это так, чтобы никаких сомнений и опасений у меня не оставалось...» Итак, всякое явление может заключать в себе духовную опасность и оказаться ложным. И когда мы читаем о пророчествах, чудесных видениях и прочем, то будем помнить – это удел праведников.

Где-то я читал, что первые признаки святой праведности появляются только лет через пятнадцать после начала аскетических подвигов. Но тут еще следует учесть, что подвиги начинаются не «с ходу», а им предшествуют многие годы воцерковленной, благочестивой жизни. Вспомним хотя бы пример преподобного Серафима Саровского, он родился и вырос в семье верующих православных христиан, подвизался долгие годы, и только после многих трудов стали проявляться великие духовные дарования.

Известен такой случай из святоотеческой жизни. Приходит некий неопытный и многострастный подвижник к великому старцу и в восторге говорит: «Авва! Я удостоился видеть ангелов, я семь лет молился Богу, чтобы Он дал мне это, и Он мне нынче дал». Авва схватился за голову и говорит: «Горе тебе, несчастный человек, ты погибнешь. Иди обратно и моли Бога, чтобы он отнял у тебя этот дар и дал тебе единственное дарование – видеть себя хуже всякой твари». Вот где настоящее начало святости – видеть себя хуже всякой твари. И путь к этому началу лежит только через покаяние.

– С Вашего позволения несколько вопросов о молитвенном правиле. Почему, допустим, утром и вечером надо молиться именно по правилу, откуда и когда это правило появилось и почему необходимо молиться именно на церковно-славянском языке?

Ну, во-первых, ответ кроется в самом слове «правило», т. е. то что является правильным, то, что правит, исправляет... К молитвенной жизни необходимо побуждение. Когда у Анто-

ния Великого спросили, какой самый тяжелый труд, он ответил, что не знает ничего тяжелее молитвы. Еще о правиле: любое упорядочение жизни есть определенного рода победа над хаосом. И это замечательно, потому что в хаосе Бога нет. Феофан Затворник вообще рекомендует составить распорядок дня и следовать этому распорядку, чтобы все было по часам.

Те, кто живет подобным образом, очень хорошо о такой жизни отзываются – упорядочение вытаскивает человека из суетности. Монастыри Афона строжайшим образом придерживаются своего устава. И не только потому, что такова традиция. Неизменный, мудрый ритм жизни проясняет ум и придает сил. Молитвенное правило носит сходный характер – оно упорядочивает нашу жизнь, оно понуждает помолиться Богу. Вот я встаю утром и знаю, что мне необходимо помолиться, если я разрешаю себе этого не делать, то, скорее всего, я перестану молиться вообще. А чаще всего происходит так, что оставляющий молитву вернуться к ней уже не может.

– А последование молитв?..

Теперь, откуда взялся тот порядок и тот подбор молитв, который мы имеем в правилах. Сразу скажу, что не знаю, есть ли такие правила где-нибудь еще кроме Русской Православной Церкви и тех Церквей, которые от нашей Церкви их восприняли. В свое время я заинтересовался тем, как это дело обстояло до XVII века. То есть, было ли подобное правило до патриарха Никона или нет? И я не смог найти ни одной книги с утренним и вечерним молитвенными правилами. Нашел только постельничий молитвы – две-три молитвы перед самым отходом ко сну и больше ничего. Но как же тогда они молились утром и вечером? И вот для меня было откровением, что всякий православный христианин, умевший читать, проводил домашнее богослужение. Он читал вечерню, повечерие, он вычитывал утреню. Если же он не умел читать или не имел книг, то он читал Иисусову молитву, как полагается по Следованной Псалтири – например, за утреню 600 молитв и т. д. Молились всей семьей. А в храмах деревенских богослужение совершалось каждый день. Да, во время страды крестьяне трудились от темна до темна. Но страда кончалась, и они снова возвращались к молитве.

Кстати, святитель Лука (Войно-Ясенецкий) особо говорит пастырям, что в храме каждый день должна звучать молитва и нельзя, чтобы храм стоял целыми днями взаперти.

Мне представляется, что канон и состав наших домашних правил сложились после XVII века как ответ Церкви на начавшееся расцерковление народа. Собрали молитвы известных святых, расположили их в должной, гармоничной последовательности... Смотреть на это как на тяжкие оковы не нужно. Святитель Феофан Затворник говорит, что, если наступает сильное охлаждение к правилу, когда молитвы произносятся уже механически, без всякого внутреннего отклика, можно применить иные молитвы, почитать коротенькие молитовки. А можно, скажем, прочитать акафист...

– А вот можно и полезно ли мирянину заниматься практикой Иисусовой молитвы? Некоторые говорят, что это чревато прелестью, а то и душевными расстройствами.

Необходим духовный руководитель, который бы направлял. Необходим тот, кто имеет право взять на себя ответственность за душевное здоровье человека. Даже если сам священник и не является делателем Иисусовой молитвы, тем не менее, послушание даже послушнику лучше, чем своеволие.

Часто энтузиазм, ревность новонаначального человека, который что-то прочитал об Иисусовой молитве и решил ею заниматься, довольно быстро иссякают и настоящего делания все равно не происходит, другая часть мирян может по гордыне своей начать ломиться в затворенные двери духовной сферы. И в этом случае прелесть или душевное расстройство очень вероятны.

Наконец, самая малая часть – это те, которые начинают терпеливо с добрым послушанием духовнику заниматься молитвенной практикой, таковых может ожидать успех.

– Можно ли мирянину пользоваться четками? Мне приходилось слышать, что для мирянина это не件лезно.

Слово «четки» родственно слову «счет». Поэтому предназначены они для человека, совершающего молитвенное правило, где много раз повторяется, скажем, Иисусова молитва или молитва «Богородице Дево...». Четки помогают молитвеннику как можно меньше отвлекаться на счет. С другой стороны сам факт наличия четок может служить напоминанием о том, что надо молиться.

Четки ни в коем случае не должны становиться своеобразным предметом тщеславия. Одно дело – молиться, но, когда человек начинает носить их на руке, это верный признак, что он находится в состоянии духовного тщеславия. В последнем случае пользы от четок не будет. Четки могут быть в кармане, в сумке, дома на стене или в ящике стола, но их нельзя выставлять напоказ. Даже многие из монашествующих избегают такой демонстративности.

– Сейчас много где можно купить православную религиозную литературу, к вере приходят люди образованные, читающие. Понятно, что они не преминут заняться чтением и изучением православных книг. Что бы вы посоветовали новоначальным, с каких книг начать, какого чтения держаться, чтобы не полезть на непосильные духовные высоты и чтобы все-таки нормально продвигаться в смысле духовного просвещения?

В «Добротолюбии» дается такая рекомендация: читать деятельные главы, а созерцательные не читать.

– А можно подробнее?

Деятельные главы – те, которые посвящены телесному деланию. То есть, как молиться телесной (устной) молитвой, как поститься, как организовать жизнь, как проходить послушание, как воспринимать жизнь во всех ее проявлениях. Созерцательные – это главы высоких духовных рассуждений и созерцаний, требующие специального личного духовного опыта, знаний, практики и старческого руководства.

Полагается читать созерцательные главы только по мере того, как ты исполняешь деятельные, но только по благословению духовного отца.

В противном случае выходит так, что в читаемое вкладывается свой личный опыт, а опыта-то личного духовного как раз и нет. И получается дело не полезное, а для кого-то и просто вредное.

К чтению духовных книг нельзя прилагать плотского воображения – не то мы рискуем придумывать самих себя. А человек должен оставаться тем, что он есть. Он должен понимать, что именно в его конкретной жизни присутствует Бог и Он преподает человеку, как распознавать пути к спасению через абсолютно все ситуации частной жизни этого самого человека.

Бог постоянно управляет человеком, но не насилует его воли, не лишает самостоятельности.

Как бы человек ни был глух и слеп, Бог не оставляет его никогда. Фантазии не нужны. Человек, склонный фантазировать, часто начинает метаться, бросает свою обычную жизнь, начинает изображать из себя то странника, то блаженного, то еще кого... Причем «ходит по головам» своих близких, не замечая этого и полагая, что близкие – это его враги, которые мешают подвизаться. Бывает, что такие люди окончательно ломают свою жизнь – уходят, убегают. В результате все усилия напрасны, и оказывается такой «подвижник» у разбитого корыта.

А ведь если мне от Бога положено быть в пустыне, то я в ней окажусь, если буду сегодня выполнять то, что положено Богом.

И нужно постоянно помнить о том, что очень важны советы и рекомендации духовника. Если человек начинает руководствоваться только книгами – это путь не церковный, ошибочный.

– Сегодня я хочу спросить у Вас, отец Игорь, что такое «внутри себя пребывание» и как человеку, просыпаясь утром, устроить себя, свою душу на предстоящий день? А дни ведь бывают и очень трудные... Мы часто теряем себя в течение дня.

Для того чтобы пребывать внутри себя... надо измениться. А для начала надо постараться обращаться внутрь себя. Это значит, что необходимо помнить: главное – это не то, что происходит вне меня, а то, как я на происходящее реагирую.

Итак, я проснулся, допустим, по звонку будильника. Что я могу сделать? Я могу подняться, а могу и лежать. Можно полубессознательно «прихлопнуть» будильник и завалиться спать снова. Но можно задать себе вопрос – хочу я вставать или нет? Не хочу, а надо! И вот тогда я уже прибегаю к самопринуждению, тащу сам себя из кровати. Я говорю: «Господи, помоги!», т. е. уже начинается какое-то внутреннее делание. И каждое дальнейшее событие я должен оценивать уже с этой точки зрения. Вот я вижу моих домашних, и они (а может, мне кажется) встречают меня не очень приветливо. Если я не нахожусь внутри себя, я, скорее всего, вспыхну. Но если я внутри себя пребываю, то замечу, как подступает раздражение, что недопустимо, и постараюсь его погасить, сохранив доброжелательное расположение к человеку, не подключаясь к его отрицательному настрою. Не мешает вспомнить и про молитвенное правило. Хотя бы коротенькое, но правило должно быть.

Сажусь завтракать, памятуя какой нынче день. Если среда или пятница – скоромного есть нельзя. А, да ведь и пищу надо благословить. После завтрака я должен не забыть поблагодарить Бога и испросить Его благословения на предстоящий день.

По дороге на работу я должен стараться не глазеть по сторонам и не поддаваться буре суетных мыслей, которая силится вторгнуться в мой ум. Я еду в транспорте и стараюсь молиться. Читаю Иисусову молитву или те молитвы, какие помню наизусть.

– А нельзя ли в таких случаях молиться своими словами?

Конечно, можно. Хотя следует вспомнить, что молитва Иисусова включает в себя великое множество переживаний, мыслей и прошений молящегося. Но, конечно, молиться своими словами и можно, и нужно обо всем.

Одновременно с этим я должен стараться не ходить по ногам окружающих и не обрушиваться гневом на тех, кто меня случайно задел или толкнул...

Попробуйте, и вы поймете, что это очень нелегко.

Придя на работу или по делам, я опять же обязан следить за своим внутренним состоянием, прося помощи у Бога, Пресвятой Его Матери, святых угодников и Ангела Хранителя.

– Кстати, о работе, о профессии. Предположим, человек уверовал, а работает он в это время, например, продавцом в вино-водочном отделе – занятие не самое благочестивое. Как ему быть?

Апостол Павел говорит, чтобы человек не торопился менять свое положение. *В каком [звании] кто призван, братия, в том каждый и оставайся пред Богом* (1 Кор. 7, 24). И потом, видите ли, сказать, что Бог не любит продавцов винного отдела – это будет неправильно... Самое важное, как работать. А кроме того существуют разные обстоятельства жизни. Бывает, что человек никак не может переменить работу. И что же теперь? Бог-то все равно видит и

знает все обстоятельства человеческой жизни. И если для человека это спасительно – Бог даст ему возможность переменить и работу, и условия жизни.

Судьба каждого человека совершенно индивидуальна. Но у нас есть заповеди, а уж степень исполнения заповедей зависит от человека. Род занятий... Давайте вспомним все-таки, что первым в рай вошел разбойник, а значит этот разбойник имел веру! А второй разбойник ее не имел. Опять же один продавец торгует честно, а другой норовит надуть. Кто из них исполняет заповедь? И так ведь происходит со всеми и всегда – все зависит от конечного выбора человека, а Бог направит его.

Конечно, если человек занимается, скажем, нелегальной торговлей наркотиками – совершенно очевидно, что это никак неприемлемо и такое занятие надо бросать.

– Одно из первых наиболее употребительных слов, с которым сталкивается человек, начинающий церковную жизнь, – «послушание». И я прошу Вас сказать об этом немного.

Есть замечательная книга ныне здравствующего иеромонаха Дормидонта – это русский иеромонах, который живет на Святой Афонской Горе. Он переводчик трудов старца Паисия. И вот он написал и свою книгу о послушании. В этой книге он как бы вступает в диалог со святителем Игнатием (Брянчаниновым). Многие теперь вырывают из трудов святителя Игнатия слова о том, что в наше время нет настоящих старцев, не может состояться и послушание, о котором мы читаем в древнем патерике. Они начинают говорить, что на сегодняшний день послушание, когда ты полностью отрекаешься от своей воли и предаешься в волю наставника, невозможно. Отец же Дормидонт, возражая на это, говорит, что полное послушание доброму пастырю и в наши дни вполне возможно. При этом он основывается не только на святоотеческих трудах, но и на сегодняшней практике Святой Горы Афон, где и на данное время послушание сохраняется в достаточно полной мере.

Первое, что предлагается на Афоне желающему подвизаться, это послушание. Если он не может послушаться, то он и не сможет быть монахом. А послушание – полное. Степень послушания зависит от величины обители. В маленькой обители послушание может быть строжайшее. Вплоть до того, что на лишний стакан воды послушник должен брать благословение. Если же это большая киновия, то такого скрупулезного послушания, конечно, нет. Но есть устав обители, есть личное послушание, есть особые благословения старца, и все это должно выполняться неукоснительно. Нарушение послушания строго наказывается.

Конечно, перенести это вдруг на сегодняшнюю российскую почву – невозможно.

– А есть ли примеры послушания в миру, в приходской практике?

Безусловно, есть. Но, опять же, степень послушания разная. Она зависит от конкретного человека. Степень определяет духовник. Но тут-то и требуется разумность от духовника. Во-первых, он не должен изображать из себя древнего старца. Он должен внимательно оценить духовный уровень человека, степень его воцерковленности, его душевные качества, что возможно и что невозможно с него спросить...

Конечно же, в этом случае духовник никак не может проживать жизнь своего чада, которое 95 % своего времени находится не с ним.

– Обязательно ли, чтобы духовное чадо являлось прихожанином в храме своего духовного отца?

– В любом случае это весьма желательно. Расстояние – это всегда сложности.

О вине

– Как вы относитесь к употреблению вина и крепких спиртных напитков? Понятно, что для России это вовсе не последняя проблема. Пьянства у нас хватает. Однако сталкиваешься и с противоположной трудностью. Вот я знаю человека, который пил ужасно, но так «сильно» бросил, что в итоге подался в какое-то общество, где то, что они называют причастием, готовят не на виноградном вине, а на соках и даже вообще утверждают, что на Тайной Вечере в Чаше был сок...

Пьянство – тяжелый грех. И даже в уголовном законе нашего государства пьянство является фактором, усугубляющим наказание. Дело не в вине, конечно, а в употреблении вина. Святой царь-пророк Давид сказал: *Вино веселит сердце человека* (Пс. 103, 15). С другой стороны, мы встречаем у святого апостола Павла: *И не упивайтесь вином, в нем же есть блуд* (Еф. 5, 18). Но – обратим внимание на слово «не упивайтесь». То есть, возбраняется не вообще употребление вина, а его чрезмерное употребление. В сущности, вино – это часть трапезы. Вино – это естественно законсервированный виноградный сок. В нем содержится множество витаминов и микроэлементов, необходимых для здорового существования человека. Конечно, здесь речь идет не о распространенных в наше время суррогатах, а о настоящем натуральном вине.

Кроме того, мы можем прочесть в Уставе, что в праздники братии полагалось по красавуле вина.

– А что такое «красавуля»?

Это не очень большой сосуд. В тех, что мне доводилось видеть на Афоне, – примерно 150 миллилитров (граммов).

А практика в монастырях такая: если по Уставу положено, то вино не употребляют натошак. Проходит какое-то время после начала трапезы, и игумен звонит в колокольчик, это означает, что теперь желающие могут выпить вина. Кто-то не пьет, кто-то пьет больше, кто-то меньше, при этом нет никакого стеснения, и каждый потребляет в свою меру. Вино пьется сухое натуральное; часто его разбавляют водой.

Специалисты считают, что в Европе есть две схемы употребления вина – средиземноморская и северная. Первая предполагает употребление вина за каждой трапезой, причем приучают к этому очень понемногу даже детей, чтобы они воспринимали вино именно как часть трапезы, а не как что-то «особенное».

В средневековой Франции, например, при найме работника оговаривалось, сколько вина хозяин поставит ему на трапезу.

Северный вариант практически противоположен – то есть здесь относятся к вину как к веселящему средству и предпочитают всю неделю работать без него, зато в выходные немного повеселиться, расслабиться. Разница понятна: если на юге и востоке, где произрастает виноград, вино – это обычный продукт, то для севера это уже что-то такое «особенное»... Не для каждого дня...

Хотя, конечно, схемы достаточно условны.

И – посудите сами, как мы можем негативно относиться к вину, если оно используется для Таинства самого близкого общения, даже соединения, с Богом?! Поэтому, естественно, отношение к вину должно быть положительным, а к злоупотреблению вином – отрицательным. Любой перегиб в ту или другую сторону будет плох. Поэтому, на мой взгляд, воспитывать нашу молодежь надо не в категорическом отказе, а в разумном воздержании. Вообще замечено, что люди, добровольно (без необходимости) совершенно отказавшиеся от вина, как правило, слишком жестки по натуре, и это не без гордыни...

Другое дело, что те, кто подвержен зависимости, алкоголизму или не может употреблять вина (и вообще крепких напитков) по здоровью, должны полностью отказаться, и это вполне правильно. И пусть такие люди объединяются, если хотят, для взаимопомощи и проведения трезвенной жизни – это будет правильно и хорошо.

Судя по всему, в царской России отношение к алкоголю было достаточно терпимым. Мы видим из мемуаров и других источников, что и в дворянской, и в высшей аристократической среде, и в семье самого Государя Императора за обедом могли выпить стакан вина или рюмку водки... И ни о каком пьянстве речи идти не могло, употреблялись алкогольные напитки для здоровья, для аппетита, для настроения. Хотя для сегодняшней России проблема алкоголизма является одной из важнейших. Есть районы повального пьянства, а это – катастрофа.

– Все-таки переспрошу: разве можно в качестве исходного вещества для Таинства Причащения использовать не вино, а сок?

Есть каноны. Эти каноны сформулированы святыми апостолами, которые непосредственно восприняли благовестие от Господа Иисуса Христа, и святыми отцами первых Вселенских Соборов. В канонах говорится, что Таинство Евхаристии совершается над хлебом белым, пшеничным, квасным (таким хлебом собственно и является просфора), вино же берется виноградное красное. Содержание сахара в вине не оговаривается, поэтому можно применять сухое вино, а можно применять и крепленое вино (кагор), как это принято у нас в России. Я полагаю, что транспортировка и хранение крепленого вина были легче и удобнее в наших широтах, где нет виноградников, а тем более в то время, когда отсутствовали холодильники.

О теплохладности. Посещение храма. Участие в Таинствах

– Начиная эту беседу, я, с Вашего позволения, отец Игорь, спрошу о том, что такое теплохладность и как можно ее преодолеть.

В Священном Писании Нового Завета в Откровении Иоанна Богослова, называемом еще Апокалипсис, приводятся слова Господа, которые Он произносит, обращаясь к одной из церквей:

... знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден, или горяч!

Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих (Откр. 3, 15–16). Такое состояние: не горячность, и не холодность, очевидно, говорит о некоем вялом безразличии – и к Богу, и к духовной жизни вообще. «Горяч» – это в общем-то понятно. Это когда человек от сердца верует, хочет угодить Богу, переживает о том, правильно ли живет, выполняет ли заповеди.

«Холоден» – человек не причастный к истинной вере и благочестию, может быть, до времени, может, по неведению. Но холодный еще может растаять и разогреться. А когда нет ни горячности, ни холодности, это и есть теплохладность. Человек вроде бы и верует, но ничего делать не хочет.

Надо сказать, теплохладностью страдают очень многие люди, если не большинство. Причем в наиболее неприглядной форме она проявляется у людей не церковных, но считающих себя верующими христианами. Они полагают, что если есть какие-то признаки веры, то можно вполне самостоятельно благополучно строить отношения с Богом. Они часто говорят, что главное, чтобы Бог был в душе. Вот у них, мол, в душе Он есть, у них с Ним свои отношения, а вся эта церковная «обрядность», какие-то правила и т. п. никакого значения не имеют. Получается, что естественная религиозность, присущая практически каждому человеку, вполне таких людей удовлетворяет. А вот познание Бога, желание войти в Его любовь им чужды. Теплохладность означает, что человек чужд настоящей веры, он плотоугодлив и для него главное – благополучное пребывание в этом мире.

Если в душе обнаруживается теплохладность, то надо немедленно начинать борьбу с ней, лучше с помощью духовника. Надо стараться перестроить свое внутреннее состояние, памятуя, что земная жизнь очень коротка, и необходимо задуматься, что нас ждет после нее...

– А что Вы посоветуете новообращенным относительно посещения храма и участия в Таинствах? Например, вот что я заметил за собой, с тех пор как обратился к вере (это примерно 15 лет назад). Стоит мне не пойти в храм в воскресный или праздничный день (кроме самых уважительных причин), как душевное мое состояние неизбежно меняется к худшему. Становится как-то мрачновато. И так бывает со мной практически всегда. Не думаю, чтобы я составлял какое-либо исключение... Я как-то подумал, что если я не хожу в храм, то не просто и не только не исполняю заповедь или проявляю неуважение к Церкви – я теряю какой-то запас Божественной энергии, которая изливается в храме. И душа начинает голодать...

Все правильно. Именно так. *Шесть дней работай и делай всякие дела твои, а день седьмой – суббота Господу, Богу твоему* (Исх. 20, 9,10). В новозаветное время, пришедшее с Воскресением Христовым, мы – христиане – посвящаем Господу день воскресный. И в этом нуждается не Бог, поскольку Он Абсолютен и не нуждается ни в чем. Стало быть, этот день нужен

для человека. Один современный проповедник, используя, по образу святых отцов, примеры из повседневной жизни, говорил, что если взять какой-либо прибор, ну, скажем, мобильный телефон, и не подзаряжать его, он перестанет служить. Сколько-то времени в нем еще сохраняется электронная память, но вскоре и она иссякает, и телефон становится мертв. Поэтому мы должны регулярно этот телефон подзаряжать, чтобы им пользоваться.

Так вот, если источник жизни для нас – Бог, нам нужно время от времени восполнять в себе жизненную энергию. Человек не пошел, или несколько раз не пошел, в храм, и он ощущает в себе некую сумрачность, суетность и т. п. Это есть свидетельство уменьшения или отсутствия благодати.

Давая заповедь о седьмом дне, Господь тем самым указал, что это необходимо для человека. Именно там – в священном собрании, в Церкви, в храме черпаем мы благодать, которая и призывается общей молитвой. Ведь Сам Господь сказал: *Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них* (Мф. 18, 20).

Поэтому у верующих больше сил для того, чтобы переживать все житейские тяготы и напасти, не впадая в излишний страх и суету. Часто даже посторонний неверующий человек чувствует здесь воздействие благодати. Поэтому мы нередко слышим от совсем нецерковных людей, что посещение церкви умиротворяет...

Но еще больше благодати можем мы впитать, если участвуем в Таинствах. Мы сближаемся с Богом в Таинстве Покаяния, мы соединяемся с Ним в Таинстве Причащения.

– Скажите, а как часто Вы рекомендовали бы прибегать к Таинствам Покаяния и Причащения?

В покаянном расположении, строго говоря, надо пребывать на всякий час. Что же касается исповеди, то бывать на исповеди надо настолько часто, насколько это возможно. Ведь согрешаем практически непрерывно, и какие-то грехи забываются, какие-то теряют свою остроту...

Духовная жизнь начинается с того момента, когда человек начинает смотреть внутрь себя, когда он начинает сознавать, что главное – это то, что происходит в его душе. Тогда он ставит себе целью приводить происходящее в соответствие с заповедями. И вот тогда начинается духовная жизнь. И главное в этом – непрерывное покаяние. Ведь если посмотреть, например, дневники святого праведного Иоанна Кронштадтского, мы увидим, что он все время пребывал в покаянии, малейший проступок, слово, которое представилось неуместным, мельчайшее отклонение от восхождения на духовную высоту, малейший укор совести вызывали в нем незамедлительное покаяние. Таково свойство человеческой святости.

– А что касается частоты Причащения?

Лучше всего, когда это регламентируется духовным отцом или духовником. Но вот что следует знать. В Русской Церкви сложилась практика, при которой Причастие может быть преподано только после исповеди, то есть оба таинства совмещены во времени и разрыв – самый минимальный. В некоторых поместных Церквях существует практика не связывать непосредственно эти таинства – исповедуются отдельно и причащаются отдельно. По времени это у них не взаимозависимо. Наша практика, для наших условий, когда во многом утрачены традиции церковной жизни и навыки духовной дисциплины, представляется наиболее полезной.

Впрочем, при всех вариантах, главное – совесть прихожанина и чуткость духовника. Наша же практика позволяет в наибольшей степени избежать риска причаститься во осуждение. Припомните слова святого апостола Павла: *Ибо, кто ест и пьет <Причастие> недостойно, тот ест и пьет осуждение себе, не рассуждая о Теле Господнем*.

От того многие из вас немощны и больны и немало умирает (1 Кор. 11, 29–31). Причаститься во осуждение – очень опасно во всех отношениях.

Итак, частоту причащения определяет духовник или духовный отец – это для каждого человека индивидуально. Я же полагаю, что причащаться следует как можно чаще.

В одной из прошлых бесед я упоминал о том, что в дореволюционной России было обязательное правило – причащаться раз в год (на Великий Четверг), о чем выдавалось соответствующее свидетельство. Это называлось: «отдать христианский долг». Согласитесь – немного нелепо. Вместо того, чтобы приобщиться к Источнику жизни, соединиться с Ним, вместо того, чтобы участвовать в трапезе Божественной любви, мы, оказывается, отдаем долг. Дело, конечно, неплохое, но особой радости не приносящее, бывает, что и вовсе скучное и нежеланное. Таким образом, утрачивался главный смысл участия в Евхаристии. А ведь так было и во времена преподобного Серафима Саровского. Усердным рекомендовалось причащаться во все большие посты – то есть четыре раза в год. Это считалось очень хорошо.

Но сам преподобный Серафим говорит по этому поводу, что хорошо причащаться на все великие праздники, а также на День Ангела, а по возможности и чаще, если есть благословение.

Преподобный Никодим Святогорец, исповедуя традиции первенствующей Церкви, то есть Церкви апостольских времен и древней святоотеческой традиции, рекомендует причащаться как можно чаще. Речь шла даже о каждодневном причащении, если есть такая возможность.

Святитель Василий Великий (IV в.) говорит, что они причащаются четыре раза в неделю. Но если современный прихожанин, отнюдь не ведущий такой жизни, как духовные чада Василия Великого и Никодима Святогорца начнет прибегать к столь частому Причащению, да еще без благословения, он явно рискует впасть в прелесть.

Надо сказать, что и в наше время существуют крайние точки зрения на этот вопрос – некоторые рекомендуют причащаться очень редко, другие очень часто...

Итак, причащаться желательно как можно чаще, но частоту обязательно устанавливает духовный отец. Если же нет духовного отца, тогда от очень частого Причащения следует поберечься, чтобы не случилось прелести.

– Ну вот я, например, стараюсь причащаться каждые три недели, но не реже одного раза в месяц. Это правильно? Если это почему-либо происходит реже, то чувствую сильную душевную тяжесть.

Обратимся к опыту Церкви. Святитель Василий Великий отлучал от церковного общения, от Причастия тех, кто по неуважительной причине три воскресенья подряд не участвовал в Божественной литургии. Участие обязательно предполагало Причащение. Три недели... Что это, только дисциплина? Но если бы дело было только в дисциплине, то святитель Василий Великий не был бы Великим, а просто – Василием. Наверное, святитель видел оскудение благодати для мирянина именно за такой срок неучастия в Евхаристии. Значит, такой мирянин пренебрегает принимать Тело и Кровь Христовы. А ведь Тело и Кровь Господа святые отцы называли лекарством от смерти. Только через Таинство Причащения Господь исцеляет от смерти твою душу.

Поэтому мне представляется, что приобщение Святых Тайн один раз в три-четыре недели можно рекомендовать для большинства как некое общее правило. Мой личный опыт показывает, что сегодня священники в основном так и благословляют. Кто ведет более углубленную духовную жизнь – те могут получить благословение приобщаться чаще, поскольку они более чутко реагируют на уменьшение благодати.

– Если можно, немного о Таинстве Елеосвящения (Соборования). В каких случаях и как часто следует к нему прибегать? Бывает, что некоторые прихожане стараются в Великий пост участвовать в этом Таинстве даже дважды, а то и трижды. Правильно ли это?

Обоснование этого Таинства зиждется на словах Священного Писания из послания святого апостола Иакова: *Болен ли кто из вас, пусть призовет пресвитеров Церкви, и пусть помянутся над ним, помазав его елеем во имя Господне.*

И молитва веры исцелит болящего, и восставит его Господь; и если он соделал грехи, простятся ему (Иак. 5, 14–16). Из этого следует, что Таинство Елеосвящения всегда совершалось над больным. Елей – символ милости Божией, Божественного милосердия. Однако полезно знать, что прежде чем принять соборование, надо покаяться, исповедаться. Если после исповеди и причастия исцеления не происходит, то можно предположить, что причина болезни – какой-то грех, который человек не помнит или не сознает. Существует суеверие, по которому покаяние с исповедью необязательно, мол, соборование и без того очистит все грехи. Следует знать, что это заблуждение и ложь.

Те массовые соборования, которые проходят в наших храмах Великим постом, это некая новая традиция. До революции такое не практиковалось. Таинство Соборования принималось обычно частным образом...

Сказать, что происходящее сейчас неправильно, было бы несправедливо. Очень многое зависит от того, с каким чувством, в каком душевном расположении приходит к Таинству человек. Вместе с тем надо понимать, что даже если человек пришел к Таинству, не очень ясно понимая его суть и значение, Господь может снизойти к нему как к младенцу и многое простить. Но если человек начинает закосневать в своем неведении, намеренно ведет себя как несведущий младенец, тогда неведение становится для него грехом.

Подставлять ли обидчику другую щеку?

– Осмелюсь задать Вам вопрос, который мне представляется довольно трудным. Человек, участвуя в Таинствах, приобретает душевный мир. А душевный мир, естественно, способствует умножению любви. Вот о любви и хочу спросить. Что такое любовь к ближнему, более или менее понятно... Но вот что такое – любовь к врагам?! Нам нравится об этом говорить. Но вот как подставить еще и левую щеку, когда бьют в правую, как совершить это на деле? И когда этого делать не надо? Правильно ли мы понимаем это учение?

– Я начну с истории из древнего Патерика. Некие братья пришли к одному великому старцу и спросили его, что делать, чтобы спастись. Старец, взглянув на них, ответил, что для них достаточно читать Евангелие. Они говорят, что, дескать, читаем, но многое остается непонятным. Старец и говорит, что есть в Евангелии заповедь о том, чтобы подставить другую щеку бьющему в правую.

– Делайте так и спасетесь.

– Нет, мы так не можем.

– Ну, тогда просто потерпите этот удар, никак на него не отвечая.

– Нет, мы и этого не можем.

– Ну, тогда хотя бы не отвечайте ударом на удар.

– Но, Авва, мы и так не можем...

Тогда старец обернулся к своему ученику и говорит:

– Свари им каши, они болеют (неможны).

Эта (может быть, забавная) история указывает, насколько задача трудна. И, наверное, говорить о такой любви можно и нужно из своего опыта. Поскольку такого своего опыта у меня нет, я могу говорить только из книжного знания.

Авва Дорофей советует нам изобразить некую точку и представить, что это Бог. Вокруг этой точки расположить точки поменьше. И вот чем ближе эти точки подвигаются к центру, тем они ближе между собой. Так и люди, стремясь приблизиться к Единому Богу, становятся ближе друг ко другу. И наоборот.

Итак, чем больше мы любим Бога, тем больше мы любим друг друга. Очевидно, когда человек преисполнен Божественной любви и находится близко к Богу, тогда он в состоянии любить всякого человека, поскольку человек есть образ Божий. И враги воспринимаются, скорее, как люди, требующие сострадания, потому что они больны, больны злом. Кроме того, такой человек даже вражду против него воспринимает как Промысл Божий. Вспомним преподобного Серафима Саровского, полностью простившего людей, которые его изувечили. Он воспринял это искушение как посланное Богом для его собственного спасения. Потому что чем сильнее подвизается подвижник, тем сильнее и жестче будут искушения и скорби.

Одного афонского подвижника застали в слезах и спросили, зачем он плачет.

– Как же так, – посетовал он, – прошел день и ни одного искушения. Неужели оставил меня Бог по грехам моим!

Наш ум, отягощенный грехами, постигнуть этого не в силах.

– И все-таки, есть ли случаи, когда не надо подставлять другую щеку?

У каждого своя мера, свои взаимоотношения с Богом. А отсюда и свое отношение к людям. Расскажу такую историю. В одном храме была прихожанка с весьма нетерпимым харак-

тером. То она поспорит с кем-нибудь, то и вовсе поругается... И вот прихожанки попросили ее духовника как-то воздействовать на нее (а лучше – выгнать). Он и говорит:

– А вы представьте себе, что бы она натворила со своим характером, если бы не ходила в церковь...

– О, и правда, батюшка, надо нам потерпеть...

Итак, благодать, пребывающая в храме, удерживает человека от разнузданности, исцеляет его. Да, он еще не может любить врагов, но он все равно становится более терпим и хотя бы отчасти воздерживается от столкновения. А это уже путь смирения. А смирение – необходимое условие для того, чтобы была любовь. Преподобный Силуан Афонский говорит, что, если нет любви к врагам, значит, нет и Духа Божьего. А стало быть, нет смирения. Чем в человеке больше смирения, тем более он терпим к ближнему. У него нет желания отомстить, но есть желание помочь. А чем в таких случаях, прежде всего, помочь? А потерпеть.

С другой стороны, заповедь направлена конкретно на самого человека. То есть заповедь относится ко мне, если ударили меня. Но если я вижу как обижают другого, то тут ко мне устремляется другая заповедь – о том, что нет большей любви, чем положить душу свою за други своя. Почему русское воинство называлось христолюбивым? Потому что оно было предназначено для защиты христиан от врага. В подобном случае воин, павший на поле брани, может быть приравнен к мученику, потому что до конца, до смерти исполнил заповедь о любви. И в такой битве ни о каком подставлении другой щеки, конечно, речи быть не может.

У нас же часто бывает наоборот: если обижают нас, мы возмущаемся, а если обижают другого, мы опускаем глазки и «смирненно» проходим мимо.

– А если человек не может молиться за обидчика, но подает за него записки?

Мне видится, что так можно сделать один-два раза, когда человек искренне сетует на свою духовную слабость, на то, что он не имеет сил молиться за врага... Если же такой вариант становится систематическим, то получается, что человек перекладывает свою молитвенную обязанность на других. В этом уже есть что-то похожее на фарисейство.

– Допустим, с неким человеком поступили крайне несправедливо. Обращаться ли ему в суд, или по христианскому долгу он должен все смиренно терпеть до конца?

Ставить так вопрос – это значит приравнивать всех к одному духовному уровню. Человек исполняет заповедь в ту меру, на какую он способен. Ведь как может произойти: человек, фарисейски исполняя заповедь о любви, в суд не подаст, но в душе будет ненавидеть своего обидчика, желать зла, думать о мести. Тут уж лучше подать в суд и смиренно терпеть всю тяжбу, и совсем не исключено, что, пока тяжба будет идти, его душевное состояние изменится. И он, если и не простит обидчика, то, по крайней мере, может стать к нему снисходительней. А может быть, через несколько лет тяжбы человек и вовсе поймет, что зря теряет время, которое мог бы употребить с гораздо большей пользой.

Как-то уже давно я разговаривал со своим духовником и речь зашла о моей хронической болезни.

– Как ты лечишься? – спрашивает духовник.

– А никак не лечусь...

– Но почему?

– Да вот по грехам своим приемлю... А Господь, когда посчитает нужным меня исцелить, тогда и исцелит.

– Ты смотри, какой подвижник! А не хочешь ли сходить к доктору, посидеть в очереди, послушать его наставления, выполнить его предписания? А то сидишь и гордо ждешь, когда тебя Бог исцелит!

Так что и суд можно сравнить с посещением врача. Нам очень полезно бывает прожить какое-то скорбное или многохлопотное состояние, чтобы научиться смирять себя, научиться видеть вещи немного с иной стороны...

Почему я первый из грешников?

– Вот о чем, отец Игорь, я бы хотел спросить у Вас в заключение. Каждый раз перед Святым Причащением, когда священник выносит Чашу, мы вместе с ним произносим молитву, где есть и такие слова, обращенные к Господу:

«Пришедый в мир грешныя спасти, от них же первый есмь аз». То есть каждый из нас называет себя первым (стало быть, худшим) из грешников. Это, безусловно, проникновенно и благочестиво. Но совсем не исключено, что не так уж мало людей думает, мол, хорошо, я готов признать себя худшим из грешников, и это очень благочестиво и красиво... Но ведь есть убийцы, насильники, воры, да мало ли кто еще... Как хорошо, что я к ним не принадлежу!

С одной стороны, понятно, что в последней мысли есть нечто фарисейское. А с другой – почему человеку признавать себя худшим, если он не убийца и не бандит?... Что в действительности означают эти молитвенные слова? Почему самый грешный это я?

– Может быть, это прозвучит странно для мирского слуха, но переживание греха, переживание своей вины есть переживание любви. Осознать сердцем свою виновность перед Богом и перед человеком – это ведь движение любви. Если мы не любим, то нам совершенно безразлично, оскорбили мы кого-то или нет, для нас не существует его достоинства. Таким образом, если мы переживаем свой грех, то мы выполняем главные заповеди о любви к Богу и ближнему. Вспомним Евангелие, слова Иисуса Христа: *...возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею, – вот первая заповедь!*

Вторая подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя. Иной большей сих заповеди нет (Мк. 12, 30–31).

Однако у человека, думающего об этом, возникает, как правило, вопрос: «Но ведь я не могу по-настоящему, в меру Христову, любить ближнего, а мне заповедано еще и любить врагов!.. Как быть?»

Итак, действительно, чаще всего любить «напрямую» не получается. Но ведь можно любить через Бога. Более того – только через Бога. *Человекам это невозможно, Богу же все возможно*, – говорит Господь (Мф. 19, 26).

Вот, допустим, кто-то мне напакостил, совершил подлость по отношению ко мне. И я искренне спрашиваю Христа:

– Как же я могу этого человека любить или простить его, ведь он мне такой удар нанес?!

Но вот и Христос спрашивает:

– А Меня ты любишь?

– Да, Господи, конечно!

– Тогда выполни Мою просьбу...

– Да, Господи, я постараюсь...

– Полюби этого человека, прошу тебя, ведь Я всех люблю и тебя, и его... Ради Меня полюби... Ради Христа!

И я отвечаю, в конце концов:

– Да... хорошо, Господи, я буду стараться...

Когда мы так строим наше понимание вещей, то неприязнь умалается. И это действительно ощутимо.

Когда Христа распинали, он умолял Бога Отца о тех, кто совершал казнь: *Отче! прости им, ибо не знают, что делают* (Лк. 23, 34). Разве мы не должны подражать Христу? Злоба человеческая оказалась безмерно меньше Его любви.

Чем человек ближе подходит к праведности, тем яснее обнаруживает, насколько он далек от того, чтобы любить так, как любит Христос, и одновременно с этим ему начинает открываться бездна собственного греха. А в каждом человеке это действительно бездна! Просто пока человек духовно слеп, он этой бездны не видит. Святые видели и проливали обильные слезы и не переставали каяться. Меру нашему греху, как и меру воздаяния за него, знает один Бог. И поскольку речь идет о том, что в каждом из нас есть темная бездна греховности, то каждый из нас может надеяться только на то, что Господь смилуется, простит и спасет. И каждый, стоя как бы на самом краю пропасти, может, ничуть не сомневаясь и не преуменьшая, повторить слова святого апостола Павла, которые и вошли в молитву: *Верно и всякого принятия достойно слово, что Христос Иисус пришел в мир спасти грешников, из которых я первый* (1 Тим. 1-15).

Кстати, сам апостол Павел сравнивал себя с извергом – такой меры было его покаяние. И обращение и апостольство свое он относил только к благодати Божией:

[Господь] явился и мне, как некоему извергу.

Ибо я наименьший из апостолов, и недостойн называться апостолом, потому что гнал церковь Божию.

Но благодатию Божиею есмь то, что есмь; и благодать Его во мне не была тщетна, но я более всех их потрудился: не я, впрочем, а благодать Божия, которая со мною (1 Кор. 15, 8-10).

Как я понимаю, молитву, о которой мы сегодня говорим, произносят с амвона только в Русской Церкви. Во всяком случае, у греков я этого не наблюдал. Эта молитва, собственно, предназначена для священства, когда оно причащается в алтаре.

И хотя здесь присутствуют и богослужебные тонкости, но, наверное, есть глубокий смысл в том, что пастырь в нашей Церкви произносит эту молитву с амвона. И все верные повторяют за ним слова, открывающие главную истину:

Верую, Господи, и исповедую...